ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

основателя церковныхъ братствъ на Руси,

въ новѣйшее время,

священника

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ГУМИЛЕВСКАГО.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ Н. С—ОВА.

Съ приложеніемъ Портрета

покойнаго пастыря, рѣчей и слова, посвященныхъ памяти его.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. КАСПАРИ. (Разъѣзжая ул. д. № 23.)

1870.

ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ОСНОВАТЕЛЯ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВЪ НА РУСИ,
ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ,
СВЯЩЕННИКА
АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА
ГУМИЛЕВСКАГО.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ Н. С—ОВА.

Скробото́в Н. А.

Съ приложеніемъ Портрета

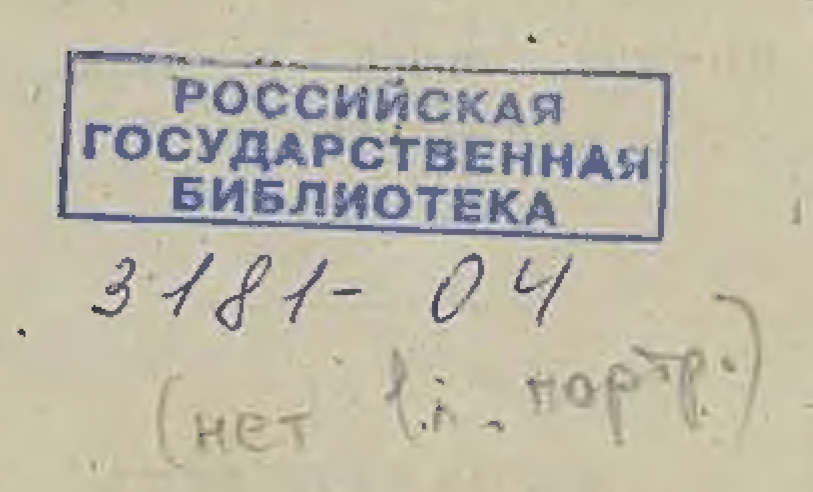
покойнаго пастыря, рѣчей и слова, посвященныхъ памяти его.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. КАСПАРИ. (Разъѣзжая ул. д. № 23.

1870.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 12 Сентября 1870 г.



Удовлетворяя желанію многихъ почитателей покойнаго священника А. В. Гумилевскаго, я рѣшился отпечатать отдѣльнымъ изданіемъ очеркъ о жизни и дѣятельности покойнаго пастыря, который былъ напечатанъ мною въ журналѣ „Всемірная Иллюстрація". Въ настоящее время, я сдѣлалъ въ очеркѣ нѣсколько поправокъ и дополнилъ его. Чтобы составить понятіе объ отношеніи духовенства къ одному изъ своихъ членовъ, который во время жизни стоялъ во главѣ общественно-церковной дѣятельности, я приложилъ къ концу очерка рѣчи и слово, посвященныя памяти многоуважаемаго отца Александра.

П. С—овъ.

ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Священника А. В. Гумилевскаго.

(КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ.)

20-го мая, 1869 года, скончался въ Петербургѣ приходскій священникъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій. По своей дѣятельности, покойный пастырь долженъ быть причисленъ къ однимъ изъ тѣхъ честныхъ и энергическихъ борцовъ общественно-церковной жизни, которыхъ у насъ не много, или вѣрнѣе — которыхъ у насъ, на Руси, еще нѣтъ.

Онъ родился въ 1830 году; отецъ его былъ діаконъ села Рождественна (Царскосельскаго уѣзда, Петербургской губ.), умершій въ то время, когда Александру Васильевичу было всего 8 лѣтъ. Восьмилѣтняго сироту пріютилъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ родственниковъ, причетникъ столичной церкви, который и отдалъ его для *образованія и вос-*

питанія въ духовное училище. Тяжолое было это время для Александра Васильевича!.. Бурсацкая жизнь раздражала впечатлительную натуру покойнаго и умственное его развитіе шло медленно. По словамъ покойнаго пастыря, развитіе его способностей началось только съ первыхъ классовъ семинаріи, гдѣ, по окончаніи курса, онъ былъ назначенъ въ здѣшнюю духовную академію на казенное содержаніе.

Въ 1855 году Александръ Васильевичъ окончилъ курсъ въ академіи со степенью магистра перваго десятка; въ томъ же году поступилъ учителемъ въ петербургскую семинарію по предметамъ: «словесности» и «священнаго писанія». Нечего и говорить, что обязанности семинарскаго педагога представляли слишкомъ узкую рамку для дѣятельности Александра Васильевича: его натура требовала болѣе широкой дѣятельности, и, притомъ, болѣе практической; а между тѣмъ, онъ долженъ былъ преподавать схоластическую риторику со всѣми ея хріями....

Въ началѣ 1856 года, по назначенію начальства, Александръ Васильевичъ принимаетъ на себя новыя обязанности, а именно: онъ дѣлается членомъ комитета, учрежденнаго для составленія историко-статистическаго описанія с.-петербургской епархіи.

Эти новыя обязанности понравились покойному; занимаясь, еще на студенческой скамьѣ, историческимъ изслѣдованіемъ о русскомъ иконописаніи, онъ съ увлеченіемъ юноши принялся за разработку тѣхъ рукописныхъ историко-статистическихъ матеріаловъ, которые были собраны комитетомъ и лежали даже не разобранными. Докладъ, составленный имъ по этому случаю, весьма рѣзко выдвинулъ его, такъ что въ 1860 году, онъ сдѣлался секретаремъ комитета историко-статистическаго описанія с.-петербургской епархіи. Чтобы добиться отъ церковныхъ причтовъ болѣе толковыхъ и нужныхъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о церквахъ петербургской епархіи, Александръ Васильевичъ составилъ программу или «указку», какъ онъ выражался, чтобы составитель или собиратель не путался въ фактическихъ данныхъ, а говорилъ дѣло. По означенной программѣ были составлены многія толковыя описанія, которыя въ настоящее время разработываются членами комитета *). Когда въ 1866 году Александръ Ва-

*) Первый выпускъ трудовъ комитета отпечатанъ въ концѣ прошедшаго года. Въ этомъ выпускѣ предположено было, между прочимъ, помѣстить статью о благотворительныхъ учрежденіяхъ с.-петербургской епархіи, составленіе которой

сильевичъ былъ переведенъ изъ Петербурга въ Нарву священникомъ къ тамошнему собору, то онъ былъ уволенъ отъ секретарской обязанности по комитету историко-статистическаго описанія с.-петербургской епархіи, но членомъ его оставался до послѣднихъ дней своей жизни.

25 мая, 1856 года, Александръ Васильевичъ поступилъ священникомъ къ Христорождественской церкви, на Пески. Обязанности священника, какъ представителя церковной общины предъ престоломъ Всевышняго, какъ учителя и руководителя пасомыхъ, пришлись по его душѣ. Мы не станемъ указывать на успѣхи его проповѣдей, въ которыхъ обозначились законоучительскія способности его. Проповѣдь—для покойнаго Александра Васильевича была также необходима при совершеніи того или другого богослуженія, какъ, во время лютеранскаго богослуженія, обязательна проповѣдь для лютеранскаго пастора.

Послѣ четырехъ-лѣтняго служенія при песковской церкви, когда большая часть прихожанъ — стала уже извѣстна отцу Александру, его дѣя-

---

поручено было покойному Александру Васильевичу, но неожиданная болѣзнь и послѣдовавшая затѣмъ смерть недозволили ему приготовить означенной статьи.

тельность приняла направленіе, чуждое нашимъ приходскимъ священникамъ до этого времени: почившій приходскій пастырь задумалъ быть дѣйствительнымъ представителемъ и руководителемъ христіанской, церковно-русской, приходской общины. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ начали устраиваться воскресныя школы. Въ одной изъ нихъ, а именно: въ Кирилло-Меѳодіевской, по предложенію графини Ламбертъ, отецъ Александръ, безъ всякаго вознагражденія, (что тогда удивляло многихъ) занялся преподаваніемъ закона Божія. Въ 1860 году, при помощи г. Философова, онъ открываетъ воскресную школу во Владимірскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ преподавателями являются студенты духовной академіи и гдѣ число учащихся доходитъ до 400 человѣкъ. Успѣхъ означенной школы увлекъ отца Александра; въ октябрѣ, того же года онъ открываетъ другую воскресную школу, въ песковскомъ приходѣ, учителями которой являются воспитанники старшихъ классовъ духовной семинаріи и гдѣ учащихся насчитывается также сотни. Эта послѣдняя школа, основанная отцомъ Александромъ въ песковскомъ приходѣ, была первоначальнымъ камнемъ, чтобы вызвать къ жизни братскія учрежденія при православныхъ при-

ходахъ на Руси. «Прихожане въ первое время мало оказывали сочувствія къ заведенной мною школѣ... Но это не пугало меня,—пишетъ покойный пастырь,—въ своей братской лѣтописи. Съ помощію личнаго вліянія, удалось мнѣ вызвать сочувствіе къ школѣ въ трехъ-четырехъ прихожанахъ, которые дали мнѣ средства для первоначальнаго поддержанія ея». Таковы были первоначальныя отношенія къ школѣ прихожанъ и другихъ лицъ. Къ 1861 году денежныя средства школы возрасли; кромѣ того, въ школу стали поступать приношенія вещами, особенно книгами, которыхъ въ началѣ 1861 года было уже до 900 экземпляровъ разныхъ названій. Книги эти раздавались учащимся въ школѣ для чтенія на дома, вслѣдствіе этого, при школѣ возникла приходская, духовно-нравственная библіотека для бѣдныхъ. Но на этомъ дѣло не остановилось. Въ воскресной школѣ, кромѣ закона Божія, чтенія, письма и ариѳметики, отецъ Александръ ввелъ обученіе простому церковному пѣнію съ голоса. Любовь къ церковному пѣнію между оборванцами, какъ въ насмѣшку, называли тогда нѣкоторые учениковъ воскресной школы, развилась. Избранные изъ всѣхъ ихъ лучшіе голоса, по инициативѣ покойнаго священника, положили начало мѣстному хору пѣвчихъ, для обученія кото-

рыхъ нанятъ былъ бѣдный учитель... Въ такихъ миніатюрныхъ, повидимому, размѣрахъ, отецъ Александръ началъ продолжалъ приходскую попечительность о бѣдныхъ и нуждающихся. Въ іюнѣ, 1862 года, вслѣдствіе открытыхъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ злоупотребленій, состоялось Высочайшее повеленіе о закрытіи всѣхъ вообще воскресныхъ школъ. Означенной участи должна была подчиниться и воскресная школа на Пескахъ. Правда, въ ней не было никакихъ злоупотребленій, но она помѣщалась въ зданіи уѣзднаго училища.

Какъ-же отнесся къ этому печальному извѣстію покойный отецъ Александръ? Онъ закрываетъ воскресную школу, и въ тоже время старается поддержать въ прихожанахъ зародившееся братское сочувствіе къ приходскимъ учрежденіямъ. «Въ этихъ-то обстоятельствахъ помогла мнѣ, пишетъ онъ въ своей братской лѣтописи, приходская наша попечительность о бѣдныхъ, производившаяся дотолѣ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Она указала мнѣ тотъ путь, на который надобно было поставить братство для скорѣйшаго осуществленія его на дѣлѣ. Этотъ путь составляли малолѣтніе приходскіе нищіе. Съ самого поступленія на мѣсто, меня крайне занимала судьба малолѣтнихъ на-

щихъ, которые съ юныхъ лѣтъ пріучались къ гибельному тунеядству. Нѣкоторые въ нихъ выростали на моихъ глазахъ и уже 12-ти лѣтъ были совершенно испорчены въ нравственномъ отношеніи. Не разъ я усиливался завлечь ихъ въ казенный дѣтскій пріютъ, находящійся въ нашемъ приходѣ, но напрасно. Они и слышать не хотѣли о немъ. Тогда я сталъ говорить имъ, что заведу свой пріютъ для нихъ, если они дадутъ обѣщаніе придти туда. Они обѣщались. Оставалось дѣло за матеріальными средствами для открытія пріюта». Что же придумалъ отецъ Александръ, чтобы найти средства для начала дѣла? Онъ составляетъ брошюру: «житіе препод. Алексія, человѣка Божія» *) въ которой раскрываетъ евангельское ученіе о нищетѣ и въ заключеніи высказываетъ мысль о необходимости учредить братство при каждой приходской церкви для призрѣнія нищихъ. Эта брошюра, за которую, по словамъ отца Гумилевскаго, нѣкоторые платили болѣе назначенной цѣны, (она продавалась по 3 к. с. за экземпляръ), распространила между прихожанами мысль о братствѣ

*) Брошюра эта была отпечатана въ числѣ 1200 экземпляровъ и распродана въ самое короткое время. За нѣсколько дней до смерти, она была издана покойнымъ отцемъ Гумилевскимъ вторично.

и вмѣстѣ съ тѣмъ доставила ему нѣкоторыя денежныя средства. Правда, средства эти были слишкомъ ничтожны, чтобы можно было думать объ открытіи пріюта для нищихъ; но и отсрочивать открытіе этого пріюта отецъ Александръ опасался: нищіе-дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали его по доброй волѣ, въ церкви становились уже подъ надзоръ одной изъ будущихъ дѣятельницъ пріюта. «Тутъ-то самъ Господь, говоритъ отецъ Александръ, помогъ мнѣ». Одинъ богатый прихожанинъ его г. Скворцевъ высказалъ желаніе употребить часть средствъ своихъ на какое-либо богоугодное дѣло; отецъ Александръ предложилъ ему открыть пріютъ для малолѣтнихъ нищихъ. Онъ согласился на это и заявилъ, между прочимъ, устроить въ этомъ пріютѣ для всѣхъ вообще приходскихъ нищихъ по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ обѣды. Эта мысль прихожанина вызвала со стороны отца Александра подробное объясненіе вообще о призрѣніи приходскихъ бѣдныхъ, больныхъ, престарѣлыхъ, о приходскихъ служительницахъ милосердія, по примѣру древнихъ діакониссъ, и о приходскомъ братствѣ Жертвователь Скворцевъ далъ 200 р. на первоначальное открытіе братскаго пріюта для бѣдныхъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ нищихъ на Пескахъ. Это было 3 апрѣля 1863 года; 7 числа,

того-же мѣсяца и года (въ Ѳомино воскресенье), отецъ Александръ открываетъ братскій пріютъ. Въ продолженіе недѣли нищіе были разобраны и снабжены билетами для обѣдовъ; заказаны столы для обѣдовъ и для школы. Книги и грифельныя доски перенесены были изъ бывшей воскресной школы, гдѣ до этого времени они оставались. Въ слѣдующій же понедѣльникъ, послѣ молебна, началось, съ помощію добрыхъ прихожанъ, ученье въ братствомъ пріютѣ. Такъ положилъ отецъ Александръ начало приходской благотворительности, гдѣ прихожане и пастыри церкви, составляя одно тѣло и душу, стремяться къ плодотворной помощи своимъ меньшимъ братьямъ! Мы не станемъ распространяться о дальнѣйшемъ развитіи песковскаго братскаго пріюта, съ которымъ будутъ соединены лучшія воспоминанія о востановленіи на Руси, въ новѣйшее время, общественно-церковной жизни; скажемъ только, что братство, основанное отцемъ Александромъ при песковской церкви, было первымъ братствомъ въ Россіи, въ новѣйшее время.

Но заботы отца Александра объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго быта меньшихъ братій не ограничивались песковскимъ приходамъ, гдѣ были ему извѣстны всѣ подвалы, углы и уголки, въ которые никогда не проникалъ сострадательный

взглядъ посторонняго человѣка. Покойный пастырь желалъ, чтобы церковныя братства были общимъ достояніемъ всѣхъ православныхъ приходовъ на Руси. При такомъ только развитіи, отъ церковныхъ братствъ можно было ожидать, по его мнѣнію, успѣха въ измѣненіи матеріальнаго и нравственнаго положенія того класса нашего общества, который, вслѣдствіе старости, немощи, неисходной бѣдности, или крайняго невѣжества бываетъ весьма часто лишенъ пріюта, насущнаго куска хлѣба и нравственной помощи. Эта смѣлая быслъ была въ то время, помнѣнію нѣкоторыхъ мечтою. Но не такъ думалъ молодой, малоопытный, полный энергіи и любви къ меньшей братіи, приходскій священникъ Александръ Васильевичъ. Его мысль не насила того несчастнаго разлада съ дѣломъ, какой зачастую приходится встрѣчать въ нашихъ общественныхъ дѣятеляхъ. Для отца Александра—мысль была не раздѣльна съ дѣломъ и дѣло—съ мыслію. Устраивая воскресныя школы и раздѣляя вмѣстѣ съ студентами духовной академіи и воспитанниками семинаріи труды по этимъ школамъ, онъ, въ тоже время, съ первыхъ книжекъ издаваемаго имъ журнала «Духъ Христіанина» начинаетъ писать о народномъ образованіи. Правда, вопросъ о народ-

номъ образованіи въ то время былъ современнымъ и живымъ; но какъ относиться къ нему отецъ Александръ? Въ третьей книжкѣ своего журнала (*) онъ является съ предложеніемъ: *устроить какое нибудь братство для поддержанія народныхъ школъ.* «Вѣдь водились же когда-то въ Юго-Западной Россіи подобныя братства, пора-бы и теперь, говоритъ онъ, завести такія братства». Это было первое слово о возобновленіи на Руси церковныхъ братствъ. И не медля ни минуты, покойный пастырь записываетъ свой рубль, какъ ежегодный взносъ, въ пользу проэктируемаго имъ братства для поддержанія народныхъ школъ с.-петербургской епархіи, заводимыхъ духовенствомъ; что касается устава этого братства, то онъ предлагаетъ всѣмъ сочувствующимъ этому дѣлу лицамъ собраться, и вмѣстѣ съ ними, сообща, составить уставъ. «Хотите содѣйствовать этой инициативѣ, писалъ онъ, содѣйствуйте; не хотите—не содѣйствуйте; а записанный мною рубль все-таки пойдетъ по назначенію. Знаю, что многіе улыбнутся надъ этой «каплей, въ море опущенной»; знаю, что многіе даже изъ духовенства посмѣются надо мною; а я все-таки записываю рубль. Ужели же, въ самомъ дѣлѣ, въ насъ до того по-

---

(*) См. Дух. Христ. 1861 г. Нояб. мѣс. стр 97.

гасъ духъ инниціативы, что всякая попытка на добро будетъ странною и смѣшною? Нѣтъ, хоть бы всѣ увѣряли въ этомъ,—не повѣрю». (*) Эта увѣренность его не обманула. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, тогоже года начались пожертвованія, которыя тотъ часъже и разпредѣлялись по школамъ петербургской епархіи. Встрѣчая къ предпринимаему дѣлу сочувствіе и замѣчая, что на братство начинаютъ смотрѣть какъ на дѣло жизни, отецъ Александръ обращается къ читателямъ «братской лѣтописи» съ слѣдующею рѣчью: «Призываю всѣхъ, кому дорого благо отечества, вступать членами въ предполагаемое братство: духовные и свѣтскіе, мужчины и женщины, и знатные и простые—всѣ православные христіане могутъ принять участіе въ предполагаемомъ братствѣ. Ежегодный взносъ такъ малъ, что

(*) Увѣренность, что начатое имъ доброе дѣло не погибнетъ и рѣшительность въ дѣйствіяхъ были постоянными, отличительными чертами характера покойнаго о. Александра. Спустя семь лѣтъ, когда покойный пастырь былъ перемѣщенъ въ Нарву, ему пришлось произносить рѣчь въ тамошнемъ воспитательномъ заведеніи для дѣтей бѣдныхъ граждапъ. Увѣщевая собравшихся въ пріютѣ слушателей не оставлять своимъ участіемъ бѣдныхъ малютокъ, онъ просилъ ихъ (слушателей) возлюбить братство, затѣмъ, сказалъ: «Устроимъ православное братство по тому образцу, по какому я создалъ такое братство въ Петербургѣ на Пескахъ! Тогда и при малыхъ средствахъ мы накормимъ всѣхъ меньшихъ братій

братство доступно для большинства...» Въ слѣдующихъ же книжкахъ онъ пишетъ: «Приходъ какъ христіанская община, проникнутая любовію ко Христу, обязанъ заботиться о своихъ бѣдствующихъ прихожанъ.» Вслѣдствіе этого Александръ Васильевичъ проэктируетъ приходскую кассу для приходскихъ бѣдныхъ... Что же, остался ли этотъ голосъ простаго, приходскаго священника одинокимъ? Нѣтъ. Духовная журналистики и многія свѣтскія періодическія изданія, выражая сочувствіе къ предпринятому отцемъ Александромъ дѣлу, начали помѣщать статьи по вопросу о церковныхъ братствахъ и извѣстія о возобновленіи нѣкоторыхъ братствъ въ губерніяхъ: Черниговской и Кіевской. Вопросъ о церковныхъ братствъ сдѣлался живымъ и современныхъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, 1862 года, отецъ Александръ въ своей «братской лѣтописи» писалъ: «*Православныя церковныя братства пробуждаются*

Христовыхъ. Я начинаю и первый кладу братскій рубль въ пользу будущаго братства. Кто со мною? Пойдемте помогать Христу, скитающемуся по улицамъ и домамъ вашего города въ лицѣ многочисленныхъ нищихъ. (См. На память жит. гор. Нарвы. Петербургъ. 1868 г. стр. 14.) Къ рублю, положенному отцемъ Александромъ для основанія братства, присоединилось нѣсколько рублей, и устроилось въ Нарвѣ «попечительство всѣхъ нарвскихъ православныхъ церквей.»

къ жизни,—это фактъ уже совершившійся...» (*)

Слѣдствіемъ дѣятельности Александра Васильевича *словомъ и дѣломъ* по возобновленію на Руси православнаго церковнаго братства было то, что въ православныхъ русскихъ приходахъ начали устраиваться «братства» и «попечительства,» а ему, какъ востановителю, пришлось стать во главѣ двухъ братствъ: приходскаго рождественскаго и петербургскаго рождественскаго.

Приходское рождественское братство имѣло въ виду только нужды песковскаго прихода; между тѣмъ, петербургское братство задавалось весьма широкою дѣятельностію и члены его были разбросаны по всѣмъ концамъ и окраинамъ Россіи: оно собирало деньги и книги въ пользу народныхъ школъ петербурской епархіи, заведенныхъ духовенствомъ; въ пользу своекоштныхъ студентовъ с.-петербургской духовной академіи; въ пользу сиротствующаго семейства профессора духовной академіи П. И. Шалфѣева; на основаніе духовно-литературнаго фонда, для вспомоществованія сиротствующимъ семействамъ, тружениковъ духовной науки и литературы; въ пользу женевской церкви; въ пользу александро-невскаго дома, для

(*) См Дух. Христ. 1861—1862 г. III отд. стр. 468.

призрѣнія вдовъ и сиротъ с.-петербургскаго духовенства и т. д.

Конецъ пятидесятыхъ годовъ и начало шестидесятыхъ представляютъ самый цвѣтущій періодъ въ жизни покойнаго отца Гумилевскаго. Въ это время, онъ былъ безустаннымъ работникомъ для общества. Не говоря объ исполненіи обязанностей священника по приходу и по произнесенію проповѣдей, онъ являлся первымъ энергичнымъ братчикомъ по дѣятельности приходскаго братства: училъ малютокъ братскаго пріюта, собиралъ пожертвованія для пріюта, заправлялъ всѣми дѣлами пріюта, составлялъ для дѣтей пріюта пѣсни (братская пѣснь: «Всѣ мы братія Христовы, такъ Христосъ сказалъ намъ...», нищенская пѣснь: «У паперти церковной гурьбой сбирались мы...»). Вмѣстѣ съ этимъ, отецъ Александръ издавалъ и редактировалъ журналъ «Духъ Христіанина», состоялъ законоучителемъ дѣтскаго пріюта княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской и духовнымъ наставникомъ сестеръ Крестовоздвиженской общины попеченія о больныхъ въ военныхъ и гражданскихъ госпиталяхъ, гдѣ имъ произнесены были лучшія его бесѣды. Затѣмъ, онъ составлялъ, по порученію высшаго начальства, проэкты по вопросамъ народнаго образованія, посѣщалъ засѣданія комитета

грамотности при Императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ, гдѣ его встрѣчали и провожали съ восторгомъ и съ аплодисментами, и избрали членомъ-сотрудникомъ. Въ тоже время, Александръ Васильевичъ принималъ весьма дѣятельное участіе, по предложенію Великой княгини Елены Павловны, которая цѣнила дѣятельность покойнаго пастыря, въ комитетѣ, основанномъ, если не ошибаемся, самою Великою княгинею (предсѣдателемъ его былъ настоящій профессоръ здѣшняго университета П. Г. Рѣдкинъ) для разработки вопроса о народномъ образованіи; плодомъ трудовъ покойнаго пастыря, по этому комитету былъ разсказъ «Анастасья», въ которомъ отецъ Александръ въ формѣ простаго, весьма увлекательнаго и въ литературномъ отношеніи замѣчательнаго народнаго разсказа, развилъ здравыя, истинно христіанскія понятія о таинствахъ: покаяніи, причащеніи и крещеніи. Далѣе, по порученію Государыни Императрицы, онъ составлялъ для чтенія Великаго князя Сергія Александровича книжки: «Жизнь преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго чудотворца» и «Путь отъ Москвы до Троицко Сергіевой лавры». За эти труды ему былъ присланъ образъ при слѣдующемъ письмѣ А. Тютчевой: «Ея Величество Государыня Императрица поручила мнѣ передать вамъ этотъ образъ Казанской Божіей Ма-

тери въ знакъ благодарности за книгу о святомъ Сергіи. Пользуясь случаемъ, передаю вамъ мой дружескій поклонъ и поручаю себя вашимъ молитвамъ. А. Тютчева.» Наконецъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и въ началѣ шестидесятыхъ отецъ Александръ трудится для археологическаго общества и присутствуетъ въ засѣданіяхъ епархіальнаго комитета для улучшенія быта духовенства, гдѣ онъ, будучи младшимъ членомъ, подаетъ голосъ первымъ и въ тоже время, весьма часто ставитъ вопросъ для обсужденія, вслѣдствіе чего имъ были подняты самые дорогіе для будущей судьбы нашего русскаго духовенства вопросы, какъ напримѣръ: объ уничтоженіи касты духовенства, объ уничтоженіи закрѣпленія священнослужительскихъ и церковно-служительскихъ мѣстъ за дочерями членовъ духовенства и многіе другіе. Словомъ сказать, конецъ пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, многоуважаемый отецъ Александръ Васильевичъ работалъ со всею энергіею своей истинно любящій души: онъ не зналъ и не видѣлъ для себя отдыха....

Насталъ 1866 годъ. Это былъ тяжкій годъ въ жизни покойнаго пастыря. Правда, братство, основанное имъ въ приходѣ, въ это время еще не имѣло

утвержденнаго устава, (*) но, тѣмъ не менѣе, оно развивалось, члены его увеличивались и по примѣру христо-рождественскаго братства стали устраиваться церковныя братства въ другихъ православныхъ русскихъ приходахъ. (**) Все это, конечно, не могло не радовать покойнаго отца Александра, который, съ такой энергіею своей любящей души, успѣлъ побороть препятствія и положить фундаментъ для основанія церковныхъ братствъ. Къ этимъ послѣднимъ счастливымъ днямъ его жизни

(*) Братскій уставъ, составленный о. Александромъ былъ поданъ имъ на разсмотрѣніе въ октябрѣ 1863 года. Первыя три дистанціи епархіальныя — уставъ прошелъ скоро. Духовная консисторія и тогдашній петербургскій викарій епископъ Леонтій одобрили уставъ, а митрополитъ утвердилъ его. Отъ митрополита уставъ братства былъ препровожденъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ, къ военному генералъ губернатору, потомъ въ комитетъ для разбора нищихъ, а оттуда обратно въ министерство, изъ министерства передали его оберъ-прокурору святѣйшаго синода и т. д. Послѣ долгаго разсмотрѣніе онъ не былъ утвержденъ Современный уставъ христо-рождественскаго братства составленъ и утвержденъ въ 1868 году. (См. Дух. Христ. 1863—1864 г. III отд. стр. 50 и уставъ брат. при Христорожд. церкви. С.-Петербургъ. 1838 г.)

(**) По программѣ Христорождественскаго братства было устроено графинею Блудовою Кирилло Меѳодіевское братство въ городѣ Островѣ. Уставъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства — копія устава, который былъ составленъ, въ 1863 году, покойнымъ о. Александромъ для Христорождественскаго братства.

относится и адресъ, поданный ему братчиками, въ церкви, въ день годовщины христо-рождественскаго братства. Вотъ этотъ адресъ:

Возлюбленный нашъ, отецъ Александръ!

Давно мы видимъ и цѣнимъ твои труды и заботы объ общемъ нашемъ братскомъ дѣлѣ, нашемъ братскомъ пріютѣ. Не ты и не мы его создали и утвердили: видимо всё это дѣло Божіе. Не мы, потому что, говоря откровенно, наши пожертвованія были слишкомъ случайны, непостоянны и не опредѣленны для того, чтобы при помощи ихъ можно было твердо и непоколебимо держать такое сюрьёзное дѣло, какъ дѣло нашего пріюта. И не ты, потому что, при всей твоей любви и привязанности къ пріюту, однихъ твоихъ усилій недостаточно для созданія и упроченія такого дѣла, особенно, когда намъ извѣстны твои и другіе не малосложные труды и занятія. Нѣтъ, это видимо дѣло Божіе! И вотъ, мы, какъ съумѣли, поблагодарили прежде всего, въ этотъ памятный для насъ день, Творца и Промыслителя нашего Господа. Но Богъ, обыкновенно, дѣйствуетъ чрезъ людей. Избраннымъ изъ нихъ. Онъ внушаетъ добрыя мысли и намѣренія, невидимо указываетъ имъ на средства къ осуществленію этихъ мыслей, открываетъ предъ ними пути и они совершаютъ то, что видимо, не по

ихъ силамъ. Какъ на такого-то избранника Божія для нашего братскаго дѣла мы и смотримъ на тебя, возлюбленнѣйшій нашъ, отецъ Александръ! Чрезъ тебя Богъ началъ наше братское дѣло, тобою онъ его держитъ. Не мы его держимъ, а ты, держимый Богомъ, держишь вокругъ пріюта насъ, насъ растишь и умножаешь; а такъ держишь, растишь, утверждаешь и дѣла пріюта. Такъ мы понимаемъ наше братское дѣло, такъ мы о немъ предъ лицомъ Бога и свидѣтельствуемъ. Пріими же избранникъ Божій, пріими возлюбленнѣйшій нашъ, отецъ Александръ, и ты отъ насъ искреннѣйшую тебѣ признательность и благодарность за твои труды и заботы, которые ты съ такою любовію и самоотверженіемъ несешь на наше братское дѣло. А на память нашей признательности и благодарности не погнушайся принять отъ насъ и сего немногоцѣннаго; но отъ искренняго сердца приносимаго тебѣ, нами приношенія. (*)

(*) Адресъ этотъ былъ поднесенъ о. Александру въ церкви по окончаніи богослуженія, въ присутствіи членовъ братства, братчикомъ Ѳ. Солнцевымъ; вмѣстѣ съ адресомъ, братчикъ Ѳ. Солнцевъ подалъ о. Александру трость съ серебренно вызолоченнымъ набалдашникомъ, а братчикъ Н. Русановъ поднесъ ему на серебренномъ блюдѣ просфору, изъ которой была вынута часть за здравіе о. Александра.

Молимъ и будемъ всегда молить Всевышняго, чтобы Онъ сохранилъ твои дорогіе дни для этихъ нищихъ и безпріютныхъ дѣтей, старухъ и калекъ. Но молимъ также и тебя: не забывай съ сею братіею Христовою молиться Всевышнему о насъ, а паче всего, научи ихъ молиться о здравіи и благоденствіи возлюбленнѣйшаго нашего монарха Александра Николаевича съ его царствующимъ домомъ. Мы знаемъ, какъ велика бываетъ у Бога молитва такихъ людей, какъ призрѣваемые въ твоемъ пріютѣ. Церковной староста купецъ Иванъ Быковъ, почетный гражданинъ Николай Русановъ, Алексѣй Бурмакинъ, купецъ Платонъ Захаровъ, почетный вольный общникъ Ѳедоръ Солнцевъ, П. Савваитовъ (профессоръ), дѣйствительный статскій совѣтникъ Перелоговъ и проч.

Этотъ адресъ братчиковъ былъ послѣднею радостію для покойнаго отца Александра. Еще не пришло время, чтобы спокойно можно было отнестись къ оцѣнкѣ, обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу честнаго, откровеннаго, впечатлительнаго, сочувствующаго каждой слезѣ бѣдняка, отца Александра, такъ и къ самой интригѣ. Со временемъ всё это выяснится во всей полнотѣ; въ настоящее же время, мы ограничимся только краткими фактическими данными, чтобы

объяснять перемѣну въ энергической натурѣ дѣятеля общественно-церковной жизни.

Событіе 4-го апрѣля 1866 г. встревожило многимъ; оно поразило и много-уважаемаго почившаго пастыря. Всѣ изумлялись этому дикому проявленію страстей человѣка, но никто не зналъ настоящей причины, которая могла побудить Каракозова на такой: шагъ одни въ поступкѣ Каракозова видѣли польскую интригу, другіе—интригу помѣщиковъ; покрайнеей мѣрѣ, большинство въ первыя минуты, раздѣляло первыя два мнѣнія. Курьеры повѣстками сообщили столичнымъ церквамъ о спасеніи Государя и началось по всему Петербургу благодарственное молебствіе. Священникъ А. В. Гумилевскій, будучи въ это время чередымъ, съ полученіемъ повѣстки, отправился въ церковь, чтобы совершить благодарственное молебствіе. Предъ началомъ молебствія онъ произнесъ рѣчь, вслѣдствіе которой, отца Александра, 18-го мая, перевели въ Нарву на священническую вакансію къ тамошнему собору. На проводы его въ Нарву собралось, въ полномъ смыслѣ этого слова, всё населеніе Песковъ; а когда приходскій священникъ началъ совершать напутственное молебствіе о. Александру и его семейству, то слезы, всхлипываніе и рыданіе его духовныхъ дѣтей можно было встрѣтить во всѣхъ углахъ церкви и на всемъ пути отъ церкви до коляски. Благословляя

своихъ прихожанъ на пути къ коляскѣ, покойный пастырь старался утѣшить ихъ; но сердце его уже напрасно искало утѣшенія для самого себя. Отца Александра уже не могла порадовать и эта сильная любовь его духовныхъ дѣтей, которая такъ рѣзко обозначилась при первыхъ его горестяхъ; онъ долженъ былъ растаться съ дѣломъ только что начатымъ въ православномъ русскомъ приходѣ, оставить только основанное имъ, первое въ новѣйшее время, на Руси, братство,—а это тяжолымъ камнемъ ложилось на его сердце. Слабый организмъ покойнаго пастыря, изнуренный предшествующими трудами, не вынесъ; нравственныя силы его надломились, нервныя страданія и постоянное почти лихорадочное состояніе увеличились и измучили его окончательно: покойный отецъ Александръ ослабъ морально и физически.

Таковы были обстоятельства, которыя надломили энергическую натуру многоуважаемаго пастыря, но, тѣмъ не менѣе, его прежняя энергія и въ это тяжелое время еще не совсѣмъ угасла. По временамъ, онъ снова принимался, со всѣмъ юношескимъ увлеченіемъ, за дѣло, снова становился во главѣ общественно-церковной жизни; но это были уже часы, въ сравненіи съ предшествующею его дѣятельностью.

Въ Нарвѣ, куда судьба забросила его послѣ Петербурга, онъ встрѣтилъ на первыхъ же порахъ искреннюю любовь въ средѣ тамошняго православнаго населенія. Замѣчательно его «первое слово», съ которымъ онъ обратился къ новымъ своимъ прихожанамъ; оно лучше всего характеризуетъ тогдашнее настроеніе его духа. «Промыслу Божію угодно было, сказалъ онъ, посѣтить меня тяжелымъ испытаніемъ и переселить изъ столичнаго города въ вашъ городъ для священнослуженія въ семъ святомъ храмѣ. Грустно мое положеніе. Сами вы видите, какъ я разстроенъ и душею и тѣломъ; сами вы чувствуете, какъ тяжело мнѣ перенести такой ударъ въ жизни. Но дабудетъ во всёмъ воля Божія! Я не ропщу, а безропотно покаряюсь ей. Вѣрно Господь восхотѣлъ, чтобы я послужилъ Ему и здѣсь, въ этомъ иновѣрномъ городѣ, въ этомъ испещренномъ иноземными надписями храмѣ. (*) Не обѣщаю многаго, но обѣщаю

(*) Нарвскій Преображенскій соборъ, къ которому былъ перемѣщенъ покойный отецъ Александръ, и гдѣ онъ произнесъ первое свое «слово», былъ сначала католическимъ храмомъ; съ распространеніемъ лютеранства этотъ католическій храмъ былъ обращенъ въ лютеранскую кирку Іоанна

вамъ послужить предъ Господомъ по долгу совѣсти и священства. Не оставьте и вы меня въ трудахъ моихъ вашею любовію. Въ Петербургѣ крѣпко любили меня и съ горячею любовію проводили меня, примите же и вы меня съ любовію. Св. апостолъ сказалъ: другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ. Будемъ же и мы исполнять этотъ завѣтъ Св. апостола. Облегчайте мнѣ тяготы моего служенія здѣсь вашею любовію, какъ я обѣщаюсь носить на себѣ духовныя тяготы ваши. Богъ и Господь Іисусъ Христосъ да благословитъ меня и вас на добрыя дѣла для Нарвы». (*)

Покойный отецъ Александръ прибылъ въ городъ Нарву лѣтомъ; поэтому, частію по обязанности череднаго священника, частію вслѣдствіе своей болѣзни, (о которой мы говорили выше) онъ переселился въ мѣстечко Меррикюль (въ 16 верстахъ отъ

Іерусалимскаго. Въ 1708 году, спустя четыре года позавоеванія города Петромъ Великимъ, лютеранская кирка Іоанна Іерусалимскаго была обращена въ православный Преображенскій соборъ. См. (Geschichte der Stadt Narva, Gansen стр. 256.) Поэтому, въ нарвскомъ преображенскомъ соборѣ и въ настоящее время можно встрѣтить надгробныя плиты и большую часть образовъ съ латинскими, шведскими и нѣмецками надписями.

(*) См. На память правосл. жит. г. Нарвы свящ. А. Гумилевскій. стр. 1.

Нарвы), гдѣ собираются на лѣтнее время петербургскіе и нарвскіе дачники, чтобы пользоваться купаньемъ въ Финскомъ заливѣ. Что же, замолкъ ли совершенно голосъ многоуважаемаго пастыря въ пользу общественно-церковной жизни? Нѣтъ. Съ первыхъ же дней своей проповѣди, во время совершенія богослуженія, въ ветхой, деревенской часовнѣ, онъ началъ собирать къ своему аналою православныхъ обитателей Меррикюля, а за тѣмъ и лютеранъ и даже лютеранскихъ пасторовъ. Не прошло мѣсяца со времени пріѣзда, какъ отецъ Александръ уже устроилъ подписку на постройку новой, болѣе обширной часовни въ Меррикюлѣ и собиралъ пожертвованія; а когда, въ слѣдующемъ, 1867 году, совершилось вторичное покушеніе на жизнь нашего Государя, то онъ, вмѣстѣ съ жертвователями, въ память избавленія, положилъ устроить, вмѣсто часовни,—церковь. Объ устройствѣ этой церкви отецъ Александръ не забывалъ хлопотать и собирать пожертвованія и по возвращеніи своемъ въ Петербургъ. Но ему вѣрно не суждено было увидѣть окончанія своего дѣла: означенная церковь была освящена черезъ полтора мѣсяца послѣ его смерти.

Однако, это не единственный памятникъ который оставилъ многоуважаемый пастырь въ Нарвѣ,

во время своего кратковременнаго изгнанія. Впечатлительная душа покойнаго не могла равнодушно смотрѣть на положеніе бѣдныхъ прихожанъ нарвскихъ церквей. При помощи своихъ проповѣдей, онъ возбудилъ въ православномъ населеніи города сначала сочувствіе къ церковному братству, а въ 1867 году устроилъ въ Нарвѣ попечительство всѣхъ православныхъ церквей города. Будучи законоучителемъ православныхъ дѣтей, обучающихся въ двухъ тамошнихъ церковныхъ лютеранскихъ школахъ, отецъ Александръ, въ тоже время, являлся постояннымъ проповѣдникомъ при совершеніи богослуженія. Сотая доля словъ и рѣчей, сказанныхъ имъ въ Нарвѣ, была напечатано въ 1868 году *).

Въ мартѣ, 1867 года, судьба покойнаго отца Гумилевскаго нѣсколько перемѣняется. «Государю Императору, читаемъ въ отношеніи оберъ-прокурора святѣйшаго синода къ петербургскому митрополиту (1867 г., 22 мар., № 1243,) благоугодно было Высочайше повелѣть: священника Гумилевскаго изъ Нарвы возвратить въ С.-Петербургъ

---

*) См. «На память православнымъ жителямъ г. Нарвы. Нѣсколько словъ и рѣчей священника А. Гумилевскаго». С.-Петербургъ 1868 г.

и определить его на священническое мѣсто при первой вакансіи, какая откроется и будетъ соотвѣтствовать его образованію». По отсутствію вакантныхъ мѣстъ въ столицѣ, отецъ Гумилевскій провелъ лѣто 1867 года въ Нарвѣ, а въ октябрѣ, того же года перемѣщонъ на священническую вакансію къ церкви обуховской женской больницы, съ окладомъ жалованья въ годъ—300 руб. сер.

Какъ ни кратковременно было пребываніе отца Александра въ городѣ Нарвѣ, какъ ни малозначительна была его дѣятельность въ этомъ городѣ, однако и тамъ, своею любвеобильною душею, онъ съумѣлъ возбудить къ себѣ расположеніе не только русскихъ жителей города, но и многихъ изъ нѣмцевъ. Поэтому, прощанье съ Нарвою вышло печальное. Что касается до чувствъ самого отца Александра къ жителямъ Нарвы, то они обнаружились во всей полнотѣ при разставаніи. Вотъ что онъ говорилъ при прощаніи съ жителями Нарвы: «Въ послѣдній разъ, возлюбленные во Христѣ братія и сестры, я совершилъ съ вами молитвенное возношеніе ко Господу въ семъ святомъ храмѣ. При прощаніи есть обычай вспоминать прожитое время и раставаться другъ съ другомъ при взаимныхъ благожеланіяхъ. Недолго я жилъ съ вами; но старался потрудиться для васъ. Не знаю, понимали

ли вы мои цѣли и намѣренія; а я всегда, вездѣ и вовсёмъ старался дѣлать добро вамъ. Были во мнѣ и слабости; но эти слабости были вызваны грустнымъ, тяжолымъ, несноснымъ положеніемъ моимъ здѣсь. Я былъ оторванъ отъ всего,—что было близко сердцу моему; а вы знаете слова Христовы: *идѣ же сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше*. Мое сокровище было въ Петербургѣ. Тамъ оставилъ я огромное семейство духовныхъ чадъ моихъ, незабывавшихъ меня и здѣсь; тамъ оставилъ я огромное семейство престарѣлыхъ, больныхъ, малютокъ бѣдныхъ, которые, теперь, безъ меня чуть не гибнутъ съ голода. Въ это-то тяжелое для нихъ время Господь возвращаетъ меня къ нимъ, чтобы я, взысканный ихъ сиротскими молитвами и царскою милостію, накормилъ, напоилъ, одѣлъ, согрѣлъ, пріютилъ ихъ. Съ глубокою благодарностію къ Промыслу Божію пріемлю мое возвращеніе въ Петербургъ, но не скрою отъ васъ, что мнѣ грустно разставаться и съ Нарвой. Нарва любила меня; Нарва жалѣла меня; Нарва берегла меня; Нарва воспитала меня для дальнѣйшей жизни; Нарва незабвенна будетъ въ памяти моей. Не буду хвалиться, но не хвалясь скажу, что и я желалъ отъ всей души добра Нарвѣ и сколько могъ сдѣлалъ его. Я оставлю васъ, но вы не оставьте дѣлъ

моихъ, которыя я началъ съ вами. Приходское попечительство, которое утверждено теперь, поддержите дружнымъ, христіанскимъ, братскимъ сочувствіемъ. Мнѣ всегда грустно было смотрѣть на толпы этихъ безпріютныхъ нищихъ, которые осаждали домы наши по средамъ и субботамъ. Лепты, которыя вы раздавали по усердію этимъ попрашайкамъ, отдавайте въ попечительство и тѣмъ упрочьте его существованіе для благоденствія всѣхъ бѣдныхъ города Нарвы. Не оставьте и вы, какъ я не оставлю даже въ Петербургѣ, и другаго добраго дѣла нашего. Я говорю о постройкѣ православной церкви въ Меррикюлѣ. Вы помните, въ какую минуту положили мы устроить эту церковь. Эта минута—была минута радостнаго извѣстія о новомъ, вторичномъ спасеніи жизни нашего добраго Государя. Вы съ искреннимъ сочувствіемъ приняли тогда мысль мою объ устройствѣ въ память сего событія православной церкви въ Меррикюлѣ; поддержите-же эту мысль и помогите мнѣ въ осуществленіи ея. Я не оставлю васъ въ этомъ дѣлѣ сирыхъ. Мнѣ безъ васъ будетъ грустно; не знаю каково будетъ вамъ безъ меня.

Теперь прощайте, до свиданія. Богъ да благословитъ васъ всякимъ благословеніемъ, а я прошу

*

васъ помолиться обо мнѣ, да благословитъ и меня Господь на новомъ мѣстѣ моего служенія... Прощайте, прощайте, прощайте!» (*)

Такъ разпрощался отецъ Александръ съ Нарвою и переселился въ Петербургъ на одно изъ бѣднѣйшихъ, священническихъ мѣстъ въ столицѣ.

Больничная жизнь священника въ Петербургѣ еще не была ему знакома, но привыкшій относиться ко всякому общественному дѣлу со всею искренностію своей души, онъ весьма скоро пріобрѣлъ не только любовь между больными обуховской больницы, но и между посѣтителями своей маленькой церкви, число которыхъ съ каждымъ воскреснымъ и праздничнымъ днемъ всё болѣе и болѣе возрастало, Необходимо также замѣтить, что съ возвращеніемъ въ Петербургъ, покойный пастырь долженъ былъ встрѣтить, помимо обязанностей священника, совершенно новый родъ дѣятельности. Первый съѣздъ депутатовъ с. петербургской епархіи избралъ его епархіальнымъ членомъ правленія духовнаго училища. Но эти членскія обязанности, возложенныя духовенствомъ епархіи, принесли покойному отцу Гумилевскому одну только борьбу. Его честныя и гуманныя заявленія на первыхъ-же порахъ встрѣ-

---

(*) См. На память правос. жит. г. Нарвы стр. 15.

тили оппозицію въ защитникахъ стараго бурсацкаго порядка въ духовномъ училищѣ, а откровенная рѣчь покойнаго, о нравственномъ и умственномъ состояніи воспитанниковъ училища, произнесенная предъ депутатами на второмъ епархіальномъ съѣздѣ, должна была только увеличить означенную неприязнь. Вслѣдствіе сего отецъ Гумилевскій отказался отъ возложенныхъ на него духовенствомъ обязанностей; но выборные представители духовенства закрытою балотировкою вторично его избрало въ члены правленія училища. Онъ принялъ снова означенныя обязанности. Однако этимъ некончилось: отецъ Гумилевскій былъ уволенъ отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на него выборными лицами духовенства петербургской епархіи *). Къ этому времени относится еще одно обстоятельство, которое разрушительно повліяло на его слабое здоровье: ему стали извѣстны, весьма, впрочемъ, случайно, анонимные доносы, которые, траткуя о его жизни и рисуя ее

*) Содержаніе рѣчи, сказанной о. Гумилевскимъ на съѣздѣ, депутатовъ см. нашу корреспонденцію изъ Петербурга въ газетѣ «Москва», 1868 г. № 125.

въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, посылались различнымъ лицамъ. Чтеніе этихъ пасквильныхъ писемъ сложало его въ постель: жолчь хлынула изъ горла... Но не смотря на его страданія, анонимный писака продолжалъ до самой смерти покойнаго свою пасквильную работу.

Послѣднимъ литературнымъ трудомъ Александра Васильевича были бесѣды его о «православномъ сельскомъ приходѣ». Эти бесѣды, составленныя имъ для народнаго чтенія самымъ простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, остались не оконченными. (**)

Предъ концомъ жизни, отецъ Гумилевскій задумалъ было устроить при церкви обуховской женской больницы «погребальную кассу» для приличнаго погребенія бѣдняковъ, умершихъ въ больницѣ; но этому дѣлу не суждено было осуществиться. 20-го мая, 1869 года, послѣ двухнедѣльныхъ страданій, оплакиваемый безпомощнымъ семействомъ, родными и знакомыми,—онъ скончался. Смерть его послѣдовала отъ тифа, которымъ покойный пастырь заразился въ больничныхъ покояхъ, напутствуя святыми таинствами—больныхъ.

Тысячи почитателей покойнаго отца Гумилев-

(**) См. Мірское Слово. 1869. №№ 1, 3, 5 и 7-й.

скаго и большая, и притомъ, лучшая часть столичнаго духовенства, собрались проводить гробъ его до могилы. Въ числѣ собравшихся на печальныя проводы были даже два священника нарочно пріѣхавшіе отъ нарвскаго православнаго общества, чтобы присутствовать на погребеніи одного изъ тѣхъ общественно-церковныхъ дѣятелей, извѣстность котораго не ограничивалась Петербургомъ. Отпѣваніе совершалъ выборгской епископъ Павелъ, въ сослуженіи болѣе ста протоіереевъ и священниковъ. Когда окончено было отпѣваніе и наступило время «последняго цѣлованія,» плачъ и всхлипываніе присутствующихъ въ церкви, до того мало слышные, разразились воплемъ и громкими рыданіями. Но что всего болѣе насъ поразило—это плачь дѣтей братскаго пріюта: они буквально заливались горькими слезами... До самой могилы гробъ покойнаго отца Гумилевскаго несли на рукахъ (дроги слѣдовали сзади) священнослужители, знакомые и духовныя его дѣти; цѣлая вереница духовныхъ лицъ въ бѣлыхъ ризахъ и тысячи народа шли передъ гробомъ и позади его.

Такое отношеніе не только пасомыхъ, но и самихъ пастырей къ простому приходскому священнику, обозначившееся при его погребеніи,—лучше всякихъ фразъ говоритъ о заслугахъ покойнаго от-

ца Гумилевскаго. Миръ праху твоему добрый пастырь! Ты бросилъ семя на русскую землю, которое уже приноситъ плоды. Если нынѣ, благодаря твоимъ трудамъ, заботамъ и страданіямъ поднять братскую хоругвь надъ русскими православными приходами, тысячи бѣдныхъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, избавлены отъ своей злой участи; то наступитъ время, когда къ этимъ тысячамъ присоединятся сотни тысячъ бѣдныхъ, и тогда—имя твое будетъ произноситься въ русской землѣ еще съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ настоящіе дни.

РѢЧЬ

Протоіерея Іоанна Заркевича. (*)

Честнѣйшіе отцы и всѣ присутствующіе на этомъ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія, братіе!

На краю могилы, готовой принять и на вѣки упокоить прахъ почившаго собрата нашего и сослужителя у престола Божія, въ виду нежданной и преждевременной его смерти, невольно приходишь въ раздумье и спрашиваешь себя: вѣрить ли глазамъ своимъ; необманываютъ ли здѣсь собственныя чувства?.. Человѣкъ, дышавшій свѣжестію силъ, въ цвѣтущей порѣ жизни, полный дарованій и энергіи, проникнутый лучшими стремленіями на пользу общества, любвеобильный, дѣятельный, предпріимчивый, самоотверженный, оставляетъ жизнь въ минуту лучшихъ ожиданій общества

*) Рѣчь эта была произнесена на смоленскомъ кладбищѣ, при опусканіи въ могилу гроба священника А. В. Гумилевскаго.

отъ его дѣятельности? Грустно, тяжело думать объ этомъ!... Ряды замѣтныхъ дѣятелей на поприщѣ приходскаго служенія и безъ того не поражаютъ числомъ своимъ. Пробуждаясь къ сознательной жизни, духовенство приходское, болѣе чѣмъ кто-либо, не можетъ не чувствовать потери, лишаясь собрата, подававшаго богатыя надежды и свѣжестію своихъ силъ, и богатствомъ дарованій, и благонамѣренностью стремленій, и настойчивостью въ преслѣдованіи цѣлей. Общество, въ глазахъ котораго и началась и развивалась пастырьская дѣятельность почившаго, выдѣвшее замѣтные опыты плодотворныхъ трудовъ его на пользу общую, не можетъ не скорбѣть, теряя человѣка, который безкорыстно жертвовалъ для него временемъ, трудами и своими силами. А что же сказать о семействѣ почившаго, о малолѣтнихъ сиротахъ, о несчастной супругѣ, которая должна переносить тяжкія послѣдствія вдовства и горькую долю сиротства, въ лучшіе годы жизни! Для нихъ это—утрата всего земнаго счастія, утрата безконечно тяжелая, убійственная....

Взглянувъ, однако, съ другой стороны, нельзя не видѣть, что этотъ-же самый гробъ навѣваетъ и много отрадныхъ мыслей. Не велико число лѣтъ, прожитыхъ почившимъ; но сколько замѣтныхъ

дѣяній совершено имъ и въ теченіи этого не много времени его жизни? Кому неизвѣстно имя почившаго, изъ числа тѣхъ, кто хотя сколько нибудь слѣдилъ за движеніемъ жизни въ средѣ нашего духовенства? Не его ли смѣлому и мѣткому перу обязанъ своимъ выступленіемъ на очередь не одинъ вопросъ изъ бытовой, часто тяжелой и вообще многотрудной, жизни нашего приходскаго духовенства? Не онъ ли представилъ многіе образцы живаго пастырьскаго слова, какъ о предметахъ вѣры, такъ и обыденной жизни, какъ въ нашей литературѣ, такъ и въ частномъ собесѣдованіи съ своими слушателями? Отъ природы болѣе настроенный къ жизненной дѣятельности, чѣмъ къ отвлеченной мыслимости, не онъ ли стоялъ во главѣ лучшихъ начинаній столичнаго духовенства въ дѣлѣ приходской христіанской благотворительности? Дѣйствія его, въ этомъ отношеніи, были такъ плодотворны, что послужили примѣромъ и для другихъ,—и мы можемъ указать не одно учрежденіе, возникшее при разныхъ церквахъ нашей столицы, по примѣру, основаннаго почившимъ, Христорождественскаго братства, которое служило предметомъ живѣйшихъ заботъ и привязанностей его, до послѣднихъ минутъ жизни... А пребываніе его, внѣ нашей столицы, въ дни, можетъ быть,

самыхъ тяжкихъ испытаній для него въ его жизни, развѣ не оставило памятника благодѣтельной дѣятельности его на пользу общества даже и на мѣстѣ этого временнаго, непродолжительнаго служенія! А служеніе его въ домѣ страждущихъ недугами, гдѣ кончилась и жизнь его, развѣ не ознаменовано рядомъ дѣйствій въ духѣ христіанской любви и благотворительности, которыя увѣковѣчиваютъ и здѣсь, въ этомъ убѣжищѣ страданій, память его? Не знаемъ, далеко-ли раздвинулись предѣлы задуманнаго имъ общества вспомоществованія бѣднымъ, не имѣющимъ средствъ для погребенія, но самая мысль объ учрежденіи *погребальной кассы* уже много говоритъ о любвеобильной душѣ почившаго. Вполнѣ преданный своему долгу, глубоко вѣровавшій въ Божественное Провидѣніе, онъ не допускалъ ни малѣйшаго колебанія въ виду своей обязанности посѣщенія больныхъ и напутствованія умирающихъ, какъ бы ни были опасны и заразительны ихъ болѣзни. И вотъ, эта-же ревность къ исполненію прямыхъ своихъ обязанностей служенія страждущимъ недугами послужила причиною и его смерти. Доблесть, достойная всякихъ благословеній. Такимъ образомъ, вся жизнь почившаго была, можно сказать, однимъ

цѣльнымъ служеніемъ общему благу и плодотворнымъ стремленіемъ къ расширенію круга христіанской благотворительности нашего общества. Что-же? Можно-ли думать, чтобы такіе дѣйствія и труды почившаго, въ кругу его пастырскаго служенія, могли не имѣть цѣны въ очахъ Божіихъ? Не отрицаемъ, что почившій, какъ человѣкъ, могъ имѣть и недостатки. Но кто же не имѣетъ ихъ? Притомъ, развѣ не искупилъ онъ ихъ своими добрыми дѣлами на пользу общую, своими страданіями, своею, наконецъ, бывшею слѣдствіемъ усердія къ своему долгу, смертію! И мы вѣруемъ, что Тотъ, кто благословляетъ добрыя намѣренія, кто съ любовію принимаетъ и малую лепту усердія,—сторицею воздастъ, въ обителяхъ небесныхъ, за понесенные почившимъ труды на пользу бѣдствующей братіи. Но и само общество, предъ лицомъ котораго совершались всѣ изчисленные труды и дѣянія, ужели забудетъ того, кто одушевлялъ его словомъ и примѣромъ къ лучшимъ христіанскимъ начинаніямъ? Ужели благотворители, знавшіе и цѣнившіе почившаго при его жизни, откажутъ ему въ своемъ сочувствіи теперь, когда онъ уже сомкнулъ свои очи и уста на вѣки и не можетъ отвѣчать выраженіемъ признательности и па-

стырьскими благословеніями, на готовность служить доброму дѣлу данными отъ Бога средствами?

У людей нерѣдко всё скоро забывается. Пожелаемъ же, чтобы нельзя было сдѣлать такого упрека тѣмъ, которые знали и цѣнили почившаго при жизни. Почившій служитель Христовой церкви, скованный смертію, тѣломъ своимъ уже послѣднія минуты пребываетъ среди насъ, на пути въ нѣдра земныя. Но, послѣ него, остаются предметы, въ которые онъ вложилъ свою душу и въ которыхъ будетъ продолжать жить духомъ: это основанныя имъ благотворительныя учрежденія; остается сиротствующее семейство, какъ живой и самый ближайшій предметъ для христіанскаго участія. Будемъ надѣяться, но вмѣстѣ и молиться, чтобы христіанская благотворительность людей, знавшихъ и цѣнившихъ почившаго при его жизни, не оскудѣла послѣ его смерти, но, болѣе и болѣе расширяющимся потокомъ, изливалась на благотворительныя учрежденія, основанныя почившимъ и, ближе всего, на его безотрадное семейство.

А ты почившій пастырь и сослужитель нашъ у престола благодати Божіей! Ходатайствуй своими молитвами, предъ престоломъ небеснаго Владыки жизни, чтобы начатки добра, которому ты приносилъ въ жертву силы и труды свои, не оста-

навливались въ своемъ развитіи, но зрѣли и приносили плоды на пользу общую.

(Пет. Лист. 1869 г. № 77.)

Послѣ рѣчи протоіерея І. Заркевича, доцентъ с.-петербургскаго университета по каноническому праву, священникъ М. И. Горчаковъ произнесъ сердечную рѣчь и предложилъ открыть тутъ же, на могилѣ сборъ пожертвованій въ пользу безпомощнаго семейства покойнаго пастыря.

СЛОВО

Протоіерея А. П. Покровскаго, а нынѣ Епископа Выборгскаго и викарія С.-Петербургскаго Тихона. (*)

Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія. 2 Тим. 4, 7—8.

Люди являются въ Божіемъ мірѣ словно борцы на ристалищѣ: каждый совершаетъ свое назначеніе, свой подвигъ, каждый *течетъ*, или проходитъ свое поприще. Верховный *Подвигоположникъ* въ сонмѣ тьмы темъ Ангеловъ, Самъ съ высоты пре-

(*) Слово это было произнесено въ сороковой день послѣ смерти священника А. В. Гумилевскаго, въ смоленско-кладбищенской церкви Пресвятыя Троицы.

стола Своего, надзираетъ: кто какъ подвизается, кто какъ течетъ?

Блаженъ, кто на поприщѣ жизни подвигомъ *добрымъ подвизался* и свыше назначенное ему поприще скончалъ непостыдно! Стократъ блаженъ таковый подвижникъ; потому что *не убоится зла*, если онъ пойдетъ *и посреди сѣни смертныя*, чтобы предстать предъ лице всеобщаго Мздовоздаятеля. Въ день судный воздастъ ему Господь за его подвиги вѣнецъ правды.

Не длинное поприще тещи судилъ Господь рабу Своему приснопамятному іерею Александру: едва лишь онъ преполовилъ обычно-среднее число лѣтъ; человѣческой жизни, какъ уже и скончалъ свое теченіе. Но какъ ни кратокъ былъ жизненный путь покойнаго собрата нашего, а и на такомъ краткомъ пути, въ своемъ кругу и въ предѣлахъ дарованныхъ ему отъ Господа силъ, немало подвизался подвигомъ той же самой вѣры, за соблюденіе которой св. Ап. Павелъ такъ твердо уповалъ пріять отъ нелицепріятнаго Судіи вѣнецъ правды.

Какъ сынъ бѣднаго сельскаго священнослужителя, покойный отецъ Александръ съ самаго ранняго дѣтства, долженъ былъ постепенно приготовляться къ высокимъ, многотруднымъ, и многоотвѣтственнымъ предъ Богомъ и предъ людьми обя-

занностямъ служителя вѣры и Церкви. Низшее духовное училище, съ его извѣстными всѣмъ бѣдностію и суровостію жизни, послужило для него самымъ первымъ мѣстомъ приготовленія къ священному служенію. Нѣсколько лѣтъ провести въ такой школѣ, согласитесь сами,—дѣло не совсѣмъ легкое!

Притомъ нужно еще замѣтить, что нашъ почившій собратъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ лишился отца и матери, и долженъ былъ расти круглымъ сиротою.

Къ счастію бѣднаго сироты, въ той-же самой школѣ была свѣтлая и охранительная сила, которую составляли нѣкоторые изъ училищныхъ воспитателей, которые дѣйствовали на питомцевъ не однимъ лишь страхомъ, но и любовію, и вели дѣло воспитанія усердно и добросовѣстно. Эти-то добрые люди не позволяли восторжествовать надъ нимъ пагубному вліянію *дѣтинъ непобѣдимой злобы*, и своимъ просвѣтательнымъ водительствомъ помогли ему окончить училищный курсъ съ успѣхомъ и перейти въ семинарію, чтобы тамъ продолжить дѣло своего образованія.

Переходъ въ здѣшнюю семинарію, *образцовую* не по одному только имени, для юнаго Гумилевскаго былъ какъ нельзя болѣе благотворенъ. Здѣсь

цѣль воспитанія обозначилась предъ нимъ яснѣе; стремленіе къ этой цѣли стало сознательнѣе, а потому прямѣе и рѣшительнѣе; средства къ достиженію цѣли открылись богаче, потому что программа семинарскаго курса, въ сравненіи съ училищною, разумѣется несравненно шире, учебныя пособія полнѣе и доступнѣе, надзоръ за поведеніемъ бдительнѣе и самая хозяйственная обстановка удовлетворительнѣе. Питомцамъ семинаріи оставалось только не лѣниться, но все свое стараніе прилагать къ тому. чтобы, какъ слѣдуетъ, воспользоваться всѣми богатыми способами, которые образцовая семинарія предлагала имъ для развитія ихъ способностей и обогащенія всѣми потребными для будущаго ихъ служенія свѣдѣніями. Гумилевскій хорошо понялъ и оцѣнилъ эту истину, а потому и не зарылъ своего таланта въ землю, но усугубилъ его тщательнымъ усвоеніемъ себѣ всѣхъ наукъ семинарскаго курса, который и окончилъ съ блистательнымъ успѣхомъ.

Но семинарскимъ курсомъ не должно было закончиться образованіе покойнаго Александра Васильевича. Какъ отличнѣйшему изъ воспитанниковъ семинаріи, ему суждено было поступить въ с.-петербургскую духовную академію. Въ этомъ новомъ для него мѣстѣ высшаго богословскаго образованія

*

научный горизонтъ открылся ему еще обширнѣе,—и онъ прилагалъ труды къ трудамъ, чтобы изучить, сколько было можно, всѣ преподаваемыя тамъ науки. Ученая степень магистра богословія была достойнымъ возмездіемъ за всѣ его учебные труды. А кончить академическій курсъ съ такою честію, значитъ—совершить *подвигъ* немало важный.

Теперь, съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, молодой магистръ могъ бодро и смѣло выступить на служеніе обществу. Первымъ шагомъ на поприщѣ, его общественной дѣятельности было поступленіе на должность наставника въ ту-же самую семинарію, въ которой и самъ онъ получилъ воспитаніе. Каковы были плоды его наставнической дѣятельности, про то вѣдаютъ тѣ, которые слушали его уроки. Отъ бывшихъ учениковъ его вы и теперь можете услышать самые лестные отзывы о немъ, какъ объ одномъ изъ умнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ наставниковъ.

Не долго, впрочемъ, довелось Александру Васильевичу послужить въ семинаріи. Провидѣнію угодно было поставить его ближе къ обществу, въ скромномъ, но многотрудномъ, званіи приходскаго пастыря. Песковскій Христорождественскій приходъ былъ самымъ начальнымъ мѣстомъ его пастырской дѣятельности,—той напряженной и благо-

творной дѣятельности, за которую общество такъ горячо его любило и такъ глубоко уважало, и которую справедливо должно почтить названіемъ— *добраго подвига*.

Прежде всего, вниманіе молодаго пастыря обращено было на проповѣданіе слова Божія. Покойный не опустилъ почти ни одного случая, когда могъ сказать своимъ духовнымъ чадамъ какое-либо поученіе. Отправлялъ ли онъ въ своемъ приходскомъ храмѣ священнослуженіе въ какой-либо праздникъ, совершалъ ли таинство брака, отпѣвалъ ли кого, или по другому какому-нибудь случаю видѣлъ предъ собою многочисленное собраніе прихожанъ: почти никогда не отпускалъ ихъ безъ приличнаго случаю назиданія. Скажите: не *добрый* ли это *подвигъ*?

Вскорѣ, послѣ поступленія отца Гумилевскаго на вышеназванное мѣсто, и въ обществѣ, и въ литературѣ поднялся и былъ въ большомъ ходу вопросъ, и за вопросомъ—споръ о народномъ образованіи. Воскресныя школы были признаны тогда однимъ изъ могущественнѣйшихъ способовъ къ развитію въ народѣ грамотности и къ сообщенію ему первоначальныхъ свѣдѣній. Отецъ Гумилевскій явился самымъ горячимъ ревнителемъ народнаго образованія, и чуть ли не первый въ столицѣ осно-

валъ воскресную школу. Песковскіе прихожане, конечно, помнятъ, какъ онъ, бывало, по воскреснымъ днямъ, послѣ обѣдни, прямо изъ храма, поспѣшаетъ въ свою воскресную школу и, не смотря на утомленіе, занимается тамъ съ увлеченіемъ съ тѣми простецами, которые хотѣли учиться. Скажите мнѣ опять: не высокій ли это *подвигъ?*

Вскорѣ послѣ поступленія о. Александра на священническое мѣсто, литературная дѣятельность у насъ значительно усилилась; стали выходить новые журналы, новыя газеты. Духовная литература не хотѣла отстать отъ свѣтской. Нашъ Александръ Васильевичъ, всегда чуткій къ современнымъ потребностямъ, не замедлилъ собрать вокругъ себя кружокъ литературныхъ дѣятелей, вмѣстѣ съ которыми и началъ изданіе новаго духовнаго журнала, подъ именемъ «Духъ Христіанина». Правда, журналъ этотъ, обратившій на себя общее вниманіе, не имѣлъ матеріальнаго успѣха. Но можно-ли винить издателей его за то, что русское общество, такъ мало еще развавшее въ себѣ вкусъ къ чтенію вообще, а къ чтенію духовныхъ книгъ по преимуществу, не поддержало этого журнала? Попрошу васъ и на сей разъ сказать: взяться, единственно ради общественной пользы, за такое важное дѣло, какъ изданіе журнала; вести это дѣло

со всѣмъ усердіемъ, потратить на него много своихъ денегъ, даже войдти въ долги, и всё-таки въ концѣ концовъ видѣть свое дѣло погибшимъ: не заслуживаетъ-ли этотъ *подвигъ* нашего уваженія и сочувствія?

Но болѣе, нежели сколько устнымъ и печатнымъ *словомъ*, Александръ Васильевичъ сослужилъ службу обществу *дѣломъ*,—подвигами христіанскаго милосердія. Побывайте въ песковскомъ Христорождественскомъ приходѣ и тамъ спросите любаго изъ прихожанъ: нѣтъ ли чего-либо у васъ особенно замѣчательнаго въ благотворительномъ отношеніи? Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ вамъ непремѣнно укажутъ наприходскій пріютъ, гдѣ въ настоящее время воспитываются до сотни безпріютныхъ дѣтей; укажутъ на приходскую богадѣльню, гдѣ призрѣваются нѣсколько бѣдныхъ вдовицъ, безродныхъ и безпомощныхъ старцевъ и старицъ. Спросите вы всѣхъ этихъ и юныхъ и престарѣлыхъ бѣдняковъ: кто васъ здѣсь призрѣваетъ? Вамъ отвѣтятъ: «Христорождественское братство». А кто, спросите, учредилъ это братство? Вамъ, со слезами на глазахъ, скажутъ: «нашъ незабвенный благодѣтель Александръ Васильевичъ Гумилевскій; онъ не только самъ пекся о насъ, какъ отецъ родной, но и множество прихожанъ своихъ склонилъ

къ участію въ его попеченіяхъ о насъ». Тогда вамъ понятно будетъ, какая именно сила двигала этою необозримою толпою, въ день погребенія тѣла отца Гумилевскаго, когда невидимая рука устроила покровъ изъ живой зелени, и когда безчисленное множество видимыхъ рукъ не только крѣпкихъ мужчинъ, но и немощныхъ женщинъ, отъ больницы и до могилы, несли гробъ его и, при всякой остановкѣ предъ встрѣчавшеюся на пути церквію для совершенія литій, высоко-высоко поднимали его надъ своимъ головами. Скажите же, Бога ради: тотъ, кто первый въ здѣшней столицѣ водрузилъ на приходской почвѣ священную хоругвь общественной благотворительности и, подъ ея сѣнію, успѣлъ, при Божьей помощи, собрать и организовать цѣлое братство, кто съ полнымъ самоотверженіемъ всецѣло посвятилъ себя великому и святому дѣлу попеченія о бѣдныхъ, чуть не до забвенія родной семьи, такой другъ бѣдняковъ не имѣетъ ли права на то, чтобы, на могилѣ его, и при всякомъ воспоминаніи о немъ, было сказано, что онъ воистину *подвигомъ добрымъ подвизался?*

Заботы о благѣ ближнихъ, застигнутыхъ нуждою и горемъ, такъ глубоко проникали теплую душу покойнаго отца Александра, что всюду слѣдовали за нимъ. Въ 1866 году, по извѣстнымъ

вамъ обстоятельствамъ, онъ вынужденъ былъ оставить свой приходъ, свое братство, оставить столицу и выѣхать на службу въ городъ Нарву. Другой на его мѣстѣ, можетъ быть, предался бы унынію и затѣмъ, конечно, прекратилъ всякую дѣятельность на пользу общества. Но покойный Александръ Васильевичъ и въ новомъ мѣстѣ служенія нашелъ себѣ утѣшеніе въ томъ же подвигѣ благотворенія, которымъ онъ подвизался и въ столицѣ. Приходское попечительство о бѣдныхъ, храмъ, выстроенный на берегу моря для православныхъ, пріѣзжающихъ лѣтнею порою пользоваться морскимъ купаньемъ, составляютъ свѣжій и сочный плодъ его тогдашнихъ заботъ и хлопотъ, за которыя его любили и глубоко уважали даже иновѣрцы.

Не долго, однакоже, покойному отцу Александру суждено было жить и въ Нарвѣ. Скоро онъ былъ снова возвращенъ столицу и опредѣленъ въ Обуховскую больницу. И на семъ, можно сказать, узкомъ, мѣстѣ своего служенія покойный отецъ Александръ началъ—было уже залагать зерно новаго рода благотворительности, зерно, которое со временемъ могло бы возрасти въ цѣлое древо; но, увы, жестокая болѣзнь (тифъ) свалила его въ постель, а за тѣмъ—и въ могилу. Александръ Васильевичъ,—скажу словами одного изъ его родичей,—угасъ,

какъ ярко горящій факелъ, который, когда освѣщаетъ путь другимъ, въ тоже время самъ быстро сгараетъ и за тѣмъ гаснетъ (*). Александръ Васильевичъ умеръ, оставивъ послѣ себя жену—вдову и двоихъ сиротъ, какъ говорится,—безъ гроша. То самое общество, которому покойный такъ усердно послужилъ даже до смерти, конечно, не забудетъ и не оставитъ горькой вдовы и бѣдныхъ сиротъ.

Послѣ смерти отца Александра, его душѣ оставалось совершить послѣдній и самый тяжкій *подвигъ*. По вѣрованію православной Церкви, душа, по разлученіи съ тѣломъ, въ продолженіе сорока дней, должна проходить страшное поприще воздушныхъ мытарствъ. Въ сороковой день предрѣшается ея вѣчная участь. Настоящій день и есть сороковой и, значитъ, рѣшительный день для покойнаго. Уповаемъ, что любящая добро душа его, укрѣпляемая молитвами святой Церкви и множествомъ облагодѣтельствованныхъ имъ при жизни, съ упованіемъ предстала престолу Божію, чтобы восприять вѣнецъ правды, его же и воздастъ ему Господь, праведный Судія. Аминь.

(Духов. Бес. 1869 г. № 29.)

(*) Ему приличенъ былъ, поэтому, извѣстный девизъ aliis serviendo consumor.

ХАРАКТЕРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Священника А. В. Гумилевскаго въ Христорождественскомъ приходѣ, на Пескахъ. (*)

«Десять лѣтъ покойный отецъ Александръ трудился въ семъ (Христорождественскомъ) приходѣ священнослужителемъ. Первые четыре года мы не были свидѣтелями его служенія здѣсь, но и по живымъ слухамъ, и по всему, мы знаемъ, что дѣятельность его съ самого поступленія на Пески отличалась тою безпредѣльною любовью къ ближнему, тѣми неутомимыми трудами на пользу алчущихъ и жаждущихъ, плачущихъ и болѣзнующихъ, постоянными свидѣтелями которыхъ мы

(*) Изъ рѣчи, произнесенной свящ. В. Масловымъ въ Христорождественской церкви, по случаю седьмой годовщины приходскаго братства, 5 апр. 1870 г. См. Памяти учредителя Христорождественскаго братства, свящ. А. В. Гумилевскаго и эконома сего братства Ѳ. В. Кудрявцева. С.-Петербургъ, 1870. стр. 2—5.

были послѣднія шесть лѣтъ его служенія здѣсь. Да, не его горячей, любвеобильной натурѣ можно было довольствоваться однимъ оффиціальнымъ исполненіемъ обязанностей своего служенія. Не въ его натурѣ было придти къ больному со Святыми Дарами, пріобщить его и уйти, не сказавши слова утѣшенія и одобренія. Не въ его натурѣ было придти къ усопшему, отслужить панихиду, и уйти, не разспросивши съ самымъ искреннимъ участіемъ, кто и чтó остается послѣ умершаго, не посовѣтовавши, чтó и какъ устроить при обычномъ въ сихъ случаяхъ разстройствѣ. Но извѣстно, какая бѣдность гнѣздится въ нашемъ приходѣ, съ нею-то чаще всего приходилось сталкиваться покойному, она-то больше всего надрывала его сердце. Приходитъ онъ дать новорожденному—молитву, ребёнокъ безъ пеленокъ; приходитъ къ больному, больной безъ уходу, безъ лекарства и чуть-чуть не безъ пищи; приходитъ къ умершему, гроба не на что купить; приходитъ въ церковь, стая нищихъ, малыхъ и старахъ... Да, нужно удивляться, какъ при его столь нѣжномъ и впечатлительномъ сердце доставало у него и физическихъ и моральныхъ силъ на эту пучину нуждъ и скорбей... Но онъ бодръ былъ и не падалъ духомъ. Снискавши съ самого поступленія на Пески любовь не однихъ,

бѣдпыхъ, а вмѣстѣ и зажиточныхъ прихожанъ, онъ скоро съумѣлъ огнемъ своей всеобъемлющей любви возжечь любовь къ ближнему и въ послѣднихъ, и явились жертвователи, которые на нужды бѣдныхъ давали въ его распоряженіе часть своихъ избытковъ. Этими незначительными, впрочемъ, жертвами, съ прибавленіемъ своихъ собственныхъ, послѣднихъ грошей, онъ первое время и боролся съ бѣдностію прихода. Но его смѣлой и предпріимчивой душѣ этого было мало; ему казалось, что въ христіанскомъ православномъ приходѣ можно образовать цѣлое стройное общество благотворительности больнымъ, престарѣлымъ и малолѣтнимъ бѣднымъ соприхожанамъ; общество, которое утоляя городъ алчущихъ, утирая слезы плачущихъ, покоя старость, воспитывая младость, находило-бы, въ тоже время, въ семъ христіанскомъ служеніи ближнему и само для себя источникъ постояннаго нравственнаго во Христѣ преуспѣянія. И вотъ, на двѣсти рублей, жертвуемыхъ ему на дѣло благотворительности однимъ благотворителемъ, онъ открываетъ *Пріютъ для больныхъ, престарѣлыхъ и малолѣтнихъ нищихъ на Пескахъ*, и называетъ его *Братскимъ Приходскимъ Пріютомъ*. Этотъ пріютъ, по его мысли, долженъ отнынѣ быть центромъ, ядромъ братской, общеприходской благотворитель-

ности. На *двѣсти* рублей открываетъ пріютъ и нанимаетъ для него квартиру въ *триста*, и помѣщаетъ въ него сразу болѣе *тридцати* призрѣваемыхъ! Можете представить, до чего охватили человѣка жаръ любви къ ближнему, жажда благотворительности ему! Самые близкіе, самые сочувственные ему люди посмотрѣли тогда на это дѣло съ сомнѣніемъ; онъ одинъ, кажется, не сомнѣвался... А не сомнѣвался онъ потому, что имѣлъ глубокую вѣру въ Промыслъ Божій, не попускающій гибнуть добрымъ начинаніямъ, особенно такимъ, какъ его начинаніе, а также, конечно, и потому, что, коротко познакомившись уже къ тому времени съ приходомъ, онъ лучше другихъ могъ видѣть, какъ много есть въ этой православной общинѣ людей, способныхъ и готовыхъ на великое добро, и великія жертвы на пользу ближняго, нуженъ имъ только излюбленный руководитель. Какъ онъ мнилъ, такъ и сбылось: жертвы въ новооткрытый пріютъ посыпались отвсюду, успѣхъ превзошелъ ожиданія самого покойнаго отца Александра. И нужно было видѣть въ то время, какъ онъ радовался! Многіе тогда не понимали его радости, какъ не всѣ понимаютъ ее и теперь... Чтó на самомъ дѣлѣ онъ нажилъ себѣ съ этимъ Пріютомъ, чтó кромѣ неустанныхъ хлопотъ, безсонныхъ

ночей, груды заботъ, огорченій, непріятностей? Да, подлинно, съ открытіемъ Пріюта для него настала самая страдная пора жизни. Нелегко поддерживать его и теперь, когда достигъ онъ уже семилѣтняго возраста, и когда онъ имѣетъ уже у себя нянекъ и паднянекъ, какъ же трудно было держать его первые три года, и держать почти— почти одному покойному. И при всемъ томъ, и сквозь слезы покойный радовался своему пріютскому дѣланію. а радовался потому, что увидѣлъ радующимися тѣхъ, кто вѣчно плакалъ, увидѣлъ радующимся призрѣнныхъ имъ бѣдныхъ. А выше этой радости, для него не было радости на семъ свѣтѣ. Высшую радость онъ зналъ только на томъ свѣтѣ,—это радость милостивыхъ, когда Царь Судія скажетъ имъ на страшномъ судѣ: «придите, благословенные Отца моего, наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, вы напоили Меня, былъ странникомъ, вы приняли Меня; былъ нагъ, вы одѣли Меня; боленъ былъ, вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, вы пришли ко Мнѣ». Для этихъ двухъ радостей покойный не жалѣлъ никакихъ трудовъ и заботъ, не боялся никакихъ лишеній и огорченій, для нихъ онъ жилъ. Первую радость онъ испыталъ уже здѣсь, на землѣ; а

вторая ожидаетъ его тамъ, на небѣ. И мы уповаемъ, что при непрестающихъ молитвахъ о немъ сихъ малыхъ и старыхъ, Богъ проститъ ему вольная и невольная его прегрѣшенія, и удостоитъ его сподобиться и сей послѣдней радости. Мы же не престаемъ взывать по тебѣ, приснономинаемый: вѣчная тебѣ память, вѣчная память, вѣчная память»!

2004031172